

Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы»)¹

Александрина Ваньке*,
Ирина Ксенофонтова**,
Ирина Тартаковская***

В статье рассматриваются механизмы политической протестной мобилизации с помощью различных форм интернет-коммуникации: Живого журнала, Фейсбука и Твиттера. В качестве примера протестной активности анализируется начало формирования всероссийского движения «За честные выборы» в течение декабря 2011 г. Авторы анализируют связь интернет-дискуссий с активистскими действиями «оффлайн», особенности складывающихся в социальных сетях групп солидарности, дискурсивные стратегии, характерные для политических дебатов в социальных медиа, влияние функциональной структуры разных интернет-сервисов на складывающиеся формы политической активности. Делается вывод о том, что интернет-коммуникация является ключевым элементом современного протеста, во многом определяющим его временные рамки и организационные возможности. В качестве теоретической рамки анализа используются понятие диспозитива, предложенное М. Фуко, а также режимы близости в терминологии Л. Болтански и Л. Тевено.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, политическая мобилизация, новые медиа, За честные выборы, гражданское движение, Россия

Целью данной статьи, подготовленной в рамках проекта «Феномен homo interneticus — социализация, идентификация, новые стили жизни», является изучение механизмов политической мобилизации в Интернете. Нас интересовала при этом не сама мобилизация в ее содержательном аспекте (т. е. не цели ее участников, не их социальный состав и не политический контекст), а именно та роль, которую сыграли в ней различные формы компьютерно-опосредованной коммуникации. Другими словами, мы поставили своей целью ответить на достаточно простые исследовательские вопросы: что именно происходит на различных интернет-площадках в процессе включения интернет-пользователей в относительно массовые акции социально-по-

---

¹ Статья выполнена в рамках исследовательского проекта «Феномен homo interneticus — социализация, идентификация, новые стили жизни» (ГАУГН, Государственное задание Министерства образования РФ на оказание услуг (выполнение работ), проект № 6.57.6.5)

* Ваньке Александрина, кандидат социологических наук, преподаватель РГГУ, ГАУГН. alexandrina.vanke@gmail.com

** Ксенофонтова Ирина, младший научный сотрудник ИС РАН, преподаватель ГАУГН. iksenofontova@yandex.ru

*** Тартаковская Ирина, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ИС РАН, преподаватель ГАУГН. lucia.richardson@gmail.com

литического характера? Насколько критичны для этого включения возможности общения через сети интернет?

Когда и каким образом происходит «переход» пользователей от виртуального общения к социальному активизму, выходящему за рамки Интернета?

Интернет-коммуникация и общественные движения

Обращаясь к этой теме, невозможно избежать соотнесения ее с широкой международной дискуссией о роли компьютерно-опосредованной коммуникации в оформлении и осуществлении протестных общественных движений. Эта дискуссия весьма обширна, и если вкратце обозначить доминирующие в ней позиции, то они сводятся к двум противоположным полюсам: представлению об Интернете не только как о необходимом ресурсе, но практически главном источнике современных массовых протестных движений, «коллективном агитаторе и главаре» (Castells, 2012; Howard, Hussain, 2013), с одной стороны, и гораздо более скептической позиции, предполагающей, что Интернет создает лишь слабые связи, которые не могут стать базисом для по-настоящему эффективных массовых движений, с другой (Rodgers 2003; Sunstein 2007; Woolley 2011).

Нет оснований утверждать, что российский протест зародился внутри Интернета и социальных сетей как естественная ступень развития «электронной демократии» (Murphy, 2012). Как хорошо показано в исследовании Галины Никипорец-Такигавы, отношение между социальными медиа и российским протестным движением носят гораздо более сложный характер: они могут играть по отношению к нему как поддерживающую и организующую, так и нейтрализующую и деструктивную роль (Nikiporets-Takigawa, 2013, с. 16–18). Противники протестов тоже были достаточно широко представлены на различных интернет-платформах, активны на форумах и в социальных сетях. В задачу данной статьи не входит сравнительный анализ аргументации и стратегий сторонников и противников протестов в социальных медиа, отметим лишь, что в распределении информации сыграли огромную роль самовыставляемые «фильтры» интерактивного Интернета — большинство участников социальных сетей доверяет только той информации, которая существует именно в его поле референций, его френдленте, среди его «значимых друзей». Большинство сообществ составляют преимущественно вокруг уже сформированных предпочтений, в том числе политических, и Интернет не столько трансформирует взгляды участников, сколько их укрепляет и мультиплицирует (Diani, 1999). Эти взгляды в условиях интернет-коммуникации часто оформляются в виде набора эффектных мемов (таких, как, например, «партия жуликов и воров», «сетевые хомячки» и т. п.), согласие или несогласие с которыми помогает участникам определиться, «по какую сторону баррикад» они находятся. Александр Столяров, цитируя Дугласа Рашкоффа, предлагает их считать специфическими медиавирусами, внедряемыми в сознание читателя (Столяров, 2013), но подобная трактовка кажется поверхностной и недооценивающей активную роль аудитории социальных медиа.

Не затрагивая специально тему целей, состава и характера российского протестного движения, мы видели свою задачу в том, чтобы описать ту роль, которую сыграли в протестной мобилизации разные интернет-площадки и формы коммуникации, избегая оценок в терминах «насколько сильно», но стремясь ответить на вопрос «что именно происходило в связанных с протестами интернет-сообществах» и «как они влияли на проявления протестной активности» — иными словами, нашей задачей было насыщенное описание функционирования компьютерно-опосредованной коммуникации в начале массовых выступлений зимы 2011–2012 гг.

Архитектура замысла

Очень непросто было отобрать для анализа конкретные интернет-площадки — политические дискуссии, связанные с протестными акциями были многочисленны и затро-

нули множество разнообразных интернет-ресурсов. В итоге мы остановились на трех из них: Живом журнале (<http://www.livejournal.com>), специально созданной для протестной мобилизации Фейсбук-группе «Мы были на Болотной и придем еще» (<https://www.facebook.com/moscow.comes.back>) и на аналогичном по задачам микроблогу в Твиттере Wake up Russia (@WakeUpR). Каждая из них, во-первых, задает свой специфический формат коммуникации, связанный с характером своей сервисной архитектуры, во-вторых, продолжает существовать и пополняться материалом и на момент написания статьи, что создает для нас важную возможность продолжения нашего исследования в будущем.

Хронологически для целей нашей статьи мы захватываем лишь небольшой период — декабрь 2011 г., начиная собственно с парламентских выборов и заканчивая вторым «большим митингом», состоявшимся 24 декабря (и реакцией на этот митинг в социальных сетях). В этот момент происходит первичная мобилизация участников массовых протестов, поэтому он для нас наиболее интересен. Мы отдаем себе при этом отчет в том, что выбранные нами для анализа интернет-сообщества представляют собой лишь отдельные фрагменты по отношению ко всем проявлениям протестной активности в Интернете, но уже по этим фрагментам можно строить обоснованные предположения об общем механизме.

В статье мы рассматриваем новые коммуникативные диспозитивы, возникающие в результате развития технических средств (Mangueneau, 2010, р. 58–59), компьютеров, Интернета и мобильных устройств, которые интенсифицируют коммуникативные обмены в интерактивном режиме, а также требуют новых способов распознавания, разграничения и усвоения расширенных потоков информации. В нашем исследовании под коммуникативным диспозитивом мы понимаем дискурсивные конфигурации разнообразных суждений, поддерживаемых электронной инфраструктурой, другими словами, «набор используемых в качестве доказательств фактов и предметов» (Болтански, Тевено, 2013, с. 29). Согласно Режи Дебрэ, коммуникативные диспозитивы способны трансформировать «восприятие, познание и передвижение, т. е. наши практики обхождения с пространством и временем» (Дебрэ, 2010, с. 146), что оказывается особенно важным при изучении коммуникативных практик участников массовых движений.

В рамках анализа интернет-коммуникации по поводу движения «За честные выборы» мы имеем дело с дискурсивными практиками (Фуко, 2004, с. 111–112; Keller, 2009, с. 50), которые являются переходными точками от момента формулирования суждений к моменту активного действия. Так, дискурсивная практика выступает частью коммуникативного диспозитива, который в данном случае производит эффект «переключения» регистров восприятия, например, переход из онлайн в оффлайн коммуникацию и наоборот. Согласно Райнеру Келлеру, «диспозитив служит связующим звеном между курсами и полями практик» (Keller, 2012, р. 65; Idem, 2007). Это, по меньшей мере, означает, что дискурсивная практика, будучи частью диспозитива, служит границей между виртуальной реальностью и городским пространством, в котором происходят массовые митинги. При этом важно понимать, что разнопорядковые регистры онлайн и оффлайн протестной коммуникации различаются едва заметными свойствами. Они не находятся в отношениях структурной оппозиции или причинно-следственной связи, а носят квази-причинный характер (Делез, 2011, с. 222). Это значит, что оффлайн практика не всегда следует из онлайн практики, и, наоборот, первая не всегда следует из второй.

В фокусе нашего исследования — три интернет-платформы, потенциально предоставляющие возможность формулировать бесконечное множество разнообразных суждений, с их помощью (пере)устанавливать и (пере)определять значения тех или иных событий и ситуаций, относящихся к гражданскому движению. В этой связи мы уделяем внимание способам формулирования протестной повестки, случаям конфликтных ситуаций и споров, а также способности на основе коммуникации достигать консенсуса и вырабатывать решения (Keller, 2009, р. 36–37). Таким образом, мы обращаемся к понятиям режимов критики и обоснования справедливости, которые существуют как раз-

ные регистры внутри одного порядка (Болтански, Тевено, 2013, с. 129) или «отдельные миры внутри одного состояния» (Харходин, 2007, с. 36). Режимы справедливости предоставляют возможность конституировать альтернативные формы отношений, а «множественность диспозитивов, относящихся к разным мирам, позволяет понять критические тренды, возникающие внутри самих организаций» (Болтански, Тевено, 2013, с. 47).

Мы также прибегаем к понятию режима «близости» как степени вовлеченности (Тевено, 2006) или «градации возрастающей степени публичности» (Хархордин, 2007, с. 39). Режим «вовлеченности» в рассматриваемых нами трех случаях координирует серии схождения и расхождения «частного» и «публичного». Переключение с «частного» на «публичное» или (пере)восприятие «единичного» как «всеобщего» оказывается возможным при условии соблюдения принципа согласования — определенной конфигурации суждений и действий, которые оказываются приемлемыми для целого коллектива (Болтански, Тевено, 2013, с. 28). Примером может послужить независимое наблюдение и подтасовывание результатов голосования на выборах в Государственную думу 4 декабря 2011 г., которое было воспринято наблюдателями, участниками интернет-обсуждений и митингов как «личное» оскорбление и унижение достоинства.

Таким образом, в своем исследовании мы намеревается понять, как техническая конфигурация интернет-площадок — в нашем случае Живого журнала, Фейсбука и Твиттера — обуславливает и организует коммуникацию (Mangueneau, 2010, р. 49–50) вокруг гражданского движения. Каким образом дискурсивные онлайн-практики поддерживают инфраструктуру движения и связанных с ним событий, например, массовых митингов? Какие типы суждений и аргументов (Amossy, 2010) используются участниками дискуссий для обоснования справедливости и логики протеста?

Методика изучения

Так как цели и задачи исследования связаны с изучением онлайн-практик, суждений и аргументов, представленных в сообщениях интернет-дискуссий, в фокусе находятся тексты, произведенные интернет-пользователями в ходе компьютерно-опосредованной коммуникации, которая предполагает письменное использование специфического интернет-дискурса (Baron, 2003; Thelwall, 2009). Каждая из трех отобранных нами площадок предлагает пользователю свой специфический способ коммуникации, что определяет и различные последствия для протестной мобилизации.

Единицей анализа в нашем исследовании является законченное текстовое высказывание: пост/запись в блоге, комментарий, твит (сообщение в микроблоге)/ретвит. При этом одно высказывание может содержать в себе сразу несколько типов суждений, что мы учитываем в процессе интерпретации. Важным нам представляется изучить протестную коммуникацию в динамике. В рамках Живого журнала и Фейсбука высказывания рассматриваются нами в контексте интернет-дискуссии (то есть записи и комментарии к ним); твиттер-сообщения изучаются в логике движения от организации митинга к дате его проведения. Большое количество материала, с одной стороны, дает широкий простор для исследования, но, с другой стороны, становится и проблемой, так как количество анализируемых сообщений приходится значительно сокращать.

Наш методический подход основан на использовании приемов качественного контент-анализа (Mayring, 2000; Herring, 2010), предполагающего распределение пользовательских сообщений и суждений по категориям с последующей интерпретацией полученных типов аргументации.

Отобранные в ходе работы с материалом сообщения на тему протестных действий относятся к различным категориям в соответствии с разработанной схемой (при необходимости в нее вносились некоторые модификации в зависимости от анализируемой площадки).

Высказывания анализируются с точки зрения содержащейся в них аргументации и соотносятся с социальным контекстом: процессом мобилизации, приведшим к массо-

Схема кодирования высказываний.

Текст	Авторство	Характер	Содержание	Призыв	Суждение	Цель
Пост/ Комментарий	Авторский/Ре- пост	Текстовой/Ви- зуальный/ Ссылка	Апелляция к фактам/к цен- ностям, соли- дарности/ к личному опыту	Да/нет	Рациональное/ Эмоциональное	Согласие/ Несогласие/ Нейтральное

вым митингам декабря 2011 г. Для того, чтобы реконструировать социальный контекст, мы по мере необходимости привлекаем тексты интервью, собранные одним из авторов (А. Ваньке) на митингах в рамках Независимой исследовательской инициативы (НИИ митингов), которые позволяют дополнять доступные онлайн-проявления протестной активности данными офлайн-исследований.

Живой журнал: от частного дневника к «Живому СМИ» в протестной активности декабря 2011 г.

Живой журнал или, сокращенно, ЖЖ (livejournal.com) является одним из популярных в русскоязычном сегменте Интернета сервисов, позволяющих вести блог, или сетевой дневник, а также оставлять в блоге комментарии. Несмотря на то, что в последнее время Живой журнал теряет популярность², необходимо отметить, что из трех площадок для коммуникации, представленных в нашем исследовании (Facebook, Twitter, ЖЖ), Живой журнал был первой, где появились записи, имеющие отношение к выборам и последующей протестной активности. Это позволило отследить появление стимулов к общественной мобилизации в декабре 2011 г.³

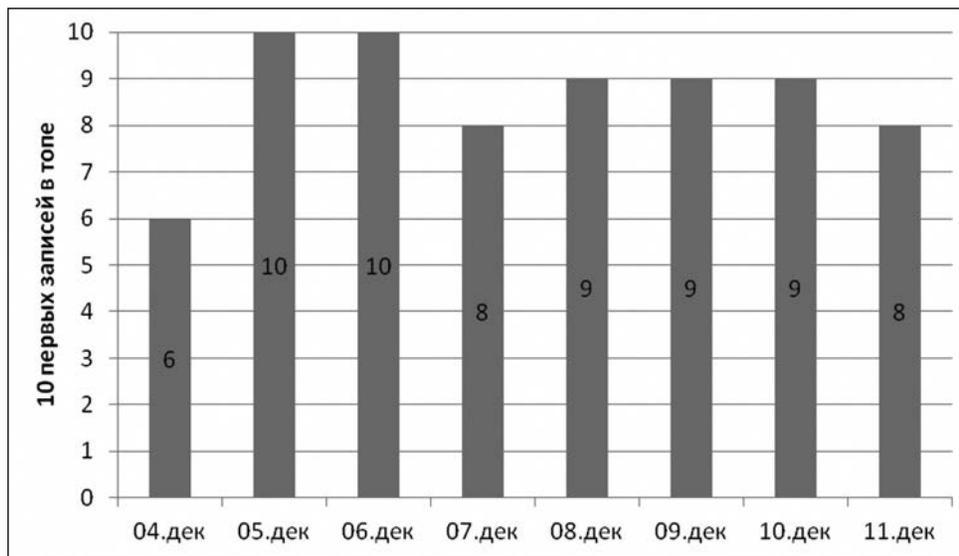
В российском сегменте изначальная идея блога как частного дневника трансформировалась в публичное высказывание. Живой журнал становится местом развития и функционирования публичной сферы (Иванова, 2011), где политический дискурс, хотя и достаточно обособленно, но многосторонне представлен (Беркман, 2010). В западных странах LiveJournal никогда не был столь значим в качестве площадки для политических и общественных дискуссий (Gorny, 2004). В то же время в русскоязычной части блогосферы Живой журнал стал составлять определенную конкуренцию официальным и государственным СМИ, являясь также достаточно демократичным способом обмена политической, социальной и другой важной информацией (Gorny, 2009).

В качестве объекта для исследования развития протестной активности в «политико-публичном» дискурсе Живого журнала нами были отобраны записи на две темы: выборы в Государственную думу в декабре 2011 г. и тема декабрьских митингов. В качестве базы используется автоматическая система рейтинга блог-записей «Яблор» (Yablor)⁴, основанная на системе поиска по блогам компании Яндекс. В качестве анали-

² ЖЖ теряет аудиторию//Ведомости. 2011. 12 октября.

³ С поправкой на техническую недоступность сервиса в различные периоды.

⁴ Рейтинг топ блогов, упорядоченных по количеству посетителей, ссылок и комментариев. При составлении рейтинга блогосферы используются данные, полученные с помощью поиска по блогам Яндекса. Яндекс не имеет отношения к методике составления рейтинга. Официальный рейтинг блогов и записей компании «Яндекс» был закрыт в 2009 г. (См.: URL: http://clubs.ya.ru/company/replies.xml?item_no=20164). Встроенные средства Живого журнала позволяют рассмотреть рейтинг популярных блогеров, построенный в зависимости от социального капитала блогеров (См.: URL:

Источник: Архив автора (дата обращения: 27.01.2014).

Рис. 1. Количество записей на политические темы в первой десятке рейтинга «Яблор» в период с 4 по 11 декабря 2011 г.

зируемого периода взяты числа с 4 по 11 декабря 2011 г., а также выборочно записи за декабрь 2011 г.⁵

Рассмотрим тематическое насыщение рейтинга «Яблор» за декабрь. Из графика, представленного ниже (рис. 1), видно, что уже с начала декабря верхние позиции в рейтинге занимают записи о выборах в Государственную думу⁶.

Четвертого декабря 6 из 10 первых позиций занимают посты о выборах и протестной ситуации, возникшей в результате; 5 декабря — 10 из 10 позиций; 6 декабря — 10 из 10 позиций; 7 декабря — 8 из 10 позиций. Нужно сказать, что 7 декабря бросается в глаза наличие в рейтинге преобладающего количества записей от политических оппонентов оппозиции, выступающих против митинга 10 декабря 2011 г.; 8, 9 и 10 декабря число записей о митинге на Болотной и политической ситуации в рейтинге составляет 9 из 10 позиций; 11 декабря в блогосфере происходит обсуждение результатов свершившегося митинга (8 из 10 позиций). В последующие 10 дней (с 10 по 20 декабря) политические темы, исходящие как от оппозиции, так и от сторонников власти, также присутствуют в рейтинге, хотя уже в меньшей степени. Десять дней перед Новым годом ознаменованы в рейтинге возвращением к теме протестной активности и митинга (24 декабря 2011 г. на Проспекте Сахарова).

Нужно отметить, что любая система рейтинга записей не может быть полным объективным отражением общественного интереса, так как она основана на автоматическом подсчете посещений, ссылок, комментариев, которые, в свою очередь, могут стать объектом так называемой «накрутки» и воздействия других политических технологий. Тем

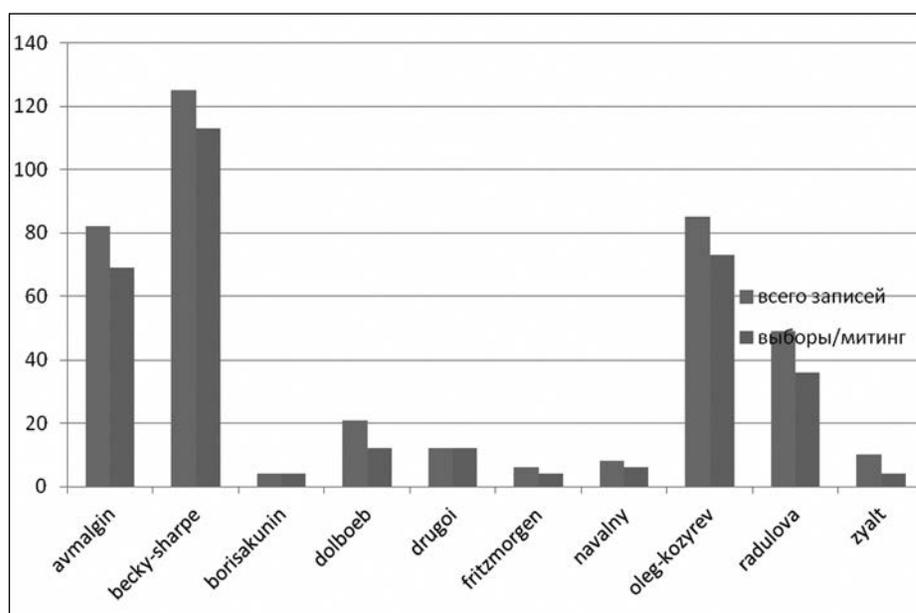
<http://www.digit.ru/internet/20111215/387875533.html>). В соответствии с целями данного исследования был выбран рейтинг, в который попадают не блогеры, а конкретные записи, что позволило оценить содержательное наполнение популярных в декабре 2011 г. дискуссий.

⁵ С поправкой на возможность автора записи удалять комментарии, не допускать пользователей до комментирования и осуществлять другие виды модерации комментариев.

⁶ Рейтинг блог-записей. URL: <http://yablor.ru/archive/2011-12-01>; <http://yablor.ru/archive/2011-12-01>; <http://yablor.ru/archive/2011-12-02>; <http://yablor.ru/archive/2011-12-03>

не менее попадание записи в рейтинг (или топ) фактически означает, что эта запись широко распространялась по сети в виде ссылки и привлекала тем самым большое количество читателей/комментаторов. Это позволяет предположить, что комментарии к таким записям становятся особой площадкой для коммуникации и выражения позиции.

За достаточно редким исключением в рейтинг популярных блог-записей о политической ситуации попадают посты блогеров, уже обладающих определенным социальным капиталом⁷ в сети. К примерам таких блогов можно отнести журналы Алексея Навального (navalny), Рустема Адагамова (drugoi), Антона Носика (dolboeb), Ильи Варламова (zyalt), Бориса Акунина (borisakunin), Божены Рынски (becky-sharpe) и др. Популярные блогеры уделяют политическим обсуждениям довольно много внимания (см. рис. 2). Нужно отметить также практически одновременное появление в топе оппозирующих записей против митинга, авторами которых являются блогеры, которые придерживаются провластных позиций, такие, например, как Кристина Потупчик (krispotupchik), otcsergiy, fritzmorgan, belyh, uspokoielb и др.

Рис. 2. Соотношение записей популярных блогеров о выборах/митинге с общим количеством записей в блоге с 5 по 10 дек. 2011 г.⁸

Вне зависимости от форсированного или естественного способа попадания в топ записей, в разные периоды в рейтинг с записями «за митинг» попадали блогеры, не имевшие ранее значительного медиа-влияния⁹ (easy-neuro, bocharsky, lady-spring). Что касается записей, направленных против митинговой активности, здесь число дебютантов минимально — с критикой оппозиции выступили блогеры, находящиеся в первой тысяче рейтинга.

⁷ В терминологии службы Живого журнала. URL: <http://igrick.livejournal.com/529199.html> (дата обращения: 25.07.2013).

⁸ 8 Популярные блогеры из рейтинга LiveJournal.com, опубликовавшие хотя бы одну запись на политическую тематику в указанный период.

⁹ За пределами первой тысячи популярных блогеров. По рейтингу блогеров «Yablor», в зависимости от числа попаданий записей блогера в топ.

Основной темой для первичных обсуждений перед волной протестов становятся процедура и результаты выборов 4 декабря 2011 г. За день до выборов в популярных блогах появляются призывы к общегражданскому участию в выборах и «протестному голосованию», при этом в текстах складывается определенный образ действия гражданина, который воспроизводится и на следующих (президентских) выборах.

В качестве примера записей, которые можно назвать «стимульными» (давшими начало предпротестным обсуждениям), можно привести пост, где анализируются результаты выборов в районе Гольяново¹⁰. Запись представляет собой полностью рационализированное осмысление результатов выборов, проверку этих результатов при помощи математических методов, а также оценку деятельности избирательных комиссий. *Стимульный пост* содержит информацию, апелляцию к фактам, в основном назывные предложения, цифры, визуальные материалы. Здесь предполагается только ознакомление с фактологической информацией, авторы при этом практически не используют риторические приемы убеждения.

В процессе дискуссий на тему завершившихся выборов¹¹ пользователи выясняют, обращаясь к опыту голосования других, кто голосовал за партию «Единая Россия»: *tesey*¹²: «*у Вас хоть кто-то из знакомых голосовал за ЕдРо, у меня — ни одного ни знакомого, ни друзей, ни родственников, даже в жж никто за них не голосовал. Откуда берутся эти проценты — хз [неизвестно. — Авт.]*» (4.12.2011); *drugoi*: «*Я, как и все, не знаю ни одного человека, проголосовавшего за едросов. Москва. Нас на**ли. [обманули. — Авт.]*» (4.12.2011); пытаются рационализировать ту или иную стратегию поведения на выборах (например, дискуссия о том, стоит ли голосовать за «Единую Россию», стоит ли ходить на выборы, портить бюллетени и т. д.); общаются, постепенно вырабатывая и подтверждая различными способами гипотезу о том, что выборы были «нечестными» и «сфальсифицированными»: *drugoi*: «*Сомнения исчезли позавчера, когда они массово начали клепать липовые участки*» (4.12.2011).

Оценка стимульной информации аудиторией того или иного блога может быть разделена на две группы суждений:

— рациональные: апелляция к собственному опыту/апелляция к опыту других/подтверждение мыслей, общего мнения «*никто не сомневался*», «*я так и знал*»/вопросы к автору поста;

— эмоциональные: «огорчение», «расстройство», «злость», «чувство, что обманули», ненормативная лексика, выражение солидарности автору поста или комментаторам, или агрессия по отношению к автору поста/комментаторам, а также по жанру — иронические и юмористические комментарии.

Пользователи описывают некий идеальный образ института честных выборов, вступающий в конфликт с «фактологией», которая представлена в первые дни после выборов в виде различных документальных свидетельств: *dolboeb*: «*Выборы значат очень много. Они важны для веры в выбранную власть со всеми вытекающими и для всяких политических и международных штук*» (08.12.2011). Факты, «истина» противопоставляются в комментариях фальсификации, лжи, образуя бинарную оппозицию кодов «правдивый/лживый», позволяющую дискурсивно различать «цивилизованные гражданские» и «авторитарные» отношения в обществе (Alexander, 2006, p. 57).

Внезапную популярность темы выборов и фальсификаций в большинстве своем аполитичной блогосферы сами пользователи объясняют тем, что эта проблема коснулась их лично или очень сильно затронула эмоционально, т. е. вызвала возмущение: *Easynuro*: «*Благодарю автора за проделанную работу. Мне, как жительнице района*

¹⁰ URL: <http://easynuro.livejournal.com/1206.html> (дата обращения: 25.01.2014).

¹¹ URL: <http://tesey.livejournal.com/633598.html> (дата обращения: 25.01.2014).

¹² Здесь и далее при цитировании указывается не никнейм автора сообщения, а название блога, где были опубликованы запись или комментарий.

Источник: Живой журнал
Алексея Навального¹³

Рис. 3. Картинка-заявление «Я голосовал против...»

Гольяново, было весьма любопытно ознакомиться с подобной информацией» (05.12.2011). Drugoi: «Ха!! Меня с женой тоже в списках не нашли! Говорят, Вы на прошлые выборы не ходили, мы вас и не внесли в список!!! Бюллетени в конце концов все же выдали, но сама логика...» (04.12.2011). Drugoi: «Простите за мат. Накопело»; drugoi: «тошно жить в этой стране» (05.12.2011). С другой стороны, пользователи демонстрируют определенную рефлексию относительно собственных политических возможностей: «да нет... сами мы такие все... ничего не можем... нам нужен или пьяный Ельцин, или уж что бы всех пересажали, мы только языками трепать можем и всё» (04.12.2011).

В комментариях к записям, освещающим выборы, изначально практически нет призывов к конкретным действиям, эти коммуникативные ситуации скорее дают возможность пользователям разделить свои эмоции, а также обозначить свою позицию, примерно очертить идентичность («те, кто голосовал против «Единой России»), солидаризироваться с теми, кто голосовал против «партии власти» и возмущен прошедшими выборами:

Тем не менее возможность каких-либо действий все же указывается, пусть и в ироническом, отстраненном ключе: Drugoi: «Надо что-то делать. Это невозможно уже терпеть». «Подавайте на них [в суд]. Вот бы вся страна подала — но это мечты» (04.12.2011). Navalny:

«Идти на Кремль всей толпой». «А когда революция» (05.12.2011). Таким образом, в комментариях в первый вечер после выборов уже проявляется некоторая predisposition к действию, хотя образ этого действия не совсем ясен.

4–5 декабря в число популярных записей попадают уже посты с призывами выразить протест в форме митинга¹⁴, в которых используются определенные риторические приемы (navalny: «просто обязывает нас проявить гражданскую позицию и выразить протест происходящему»; drugoi: «Я думаю, что сегодня москвичи просто обязаны выразить своё отношение к тому, что случилось вчера, и прийти на митинг протеста «Верните украденные выборы» у метро «Чистые пруды». Начало в 19:00» (5.12.2011); в частности, апелляция к некоему долгу, некой обязанности человека, которого обманули, выразить свой протест. В записях с призывами участвовать в митингах выстраиваются противопоставляющие образы власти («наглость, бесстыдство и преступление») и людей, которые образуют костяк гражданского общества («все люди с чувством собственного достоинства», «Вы — настоящие граждане»). Помимо визуальных материалов (фотографии, демотиваторы), используются приемы верификации: ссылки на записи других блогеров, новостные сообщения, публикация фактов. Автор одной из записей призывает людей самим поучаствовать в подтверждении информации: navalny: «При этом “по городу” складывается из участков с 22% и участков с (ВНЕЗАПНО) 70%. Это даже видно на разрезе участков, а по большим секторам, смотрите сами» (05.12.2011). Таким образом, обращаясь к рациональному мышлению пользователей, предлагая людям самим оценить ситуацию и принять самостоятельное решение: bocharsky: «Почему надо идти на

¹³ 13 Запись в блоге navalny URL: <http://navalny.livejournal.com/656297.html?thread=282882729#t282882729> (дата обращения: 27.01.2014).

¹⁴ Организованного движением «Солидарность».

митинг¹⁵» (08.12.2011). Также авторы блогов (navalny, zyalт и др.) призывают к объединению и солидарности: *navalny*: «Формальным его [митинга. — Авт.] организатором является “Солидарность”, но это сейчас не имеет никакого значения. Нравится она вам или не нравится, надо приходить. Это касается всех. Националистов, либералов, левых, зелёных, вегетарианцев, марсиан. ПЖиВ украли голоса у всех» (05.12.2011). *Zyalt*: «Друзья, мне кажется сейчас не время для выяснений отношений. Давайте все соберемся на одном, согласованном митинге» (09.12.2011).

Комментарии к одной из таких записей¹⁶ содержат, в основном, выражения согласия и готовности прийти на митинг: *navalny*: «Приду с сыном... пусть с малых лет привыкает бороться за себя и свои права»; «Все на митинг» (09.12.2011). *Zyalt*: «Все идём на болотку, мы ВСЕ ДОЛЖНЫ быть в ОДНОМ месте, на одном митинге, на одной площади» (09.12.2011). Таким образом, механизм формирования действия двойственен: с одной стороны, потребность в офлайн действии после эмоционального обмена в сети выражается самими пользователями, с другой стороны, возможность действовать и поддерживать таким способом солидарность предлагается популярными блогерами. Подобные тексты (призывы и онлайн-фиксация готовности к действию) затем появляются перед каждым протестным мероприятием. Помимо прямых призывов к посещению митингов авторами записей применяется также апелляция к личному опыту, к собственной эмоциональной сфере. Дискурсивная «подготовка» к митингам в блогосфере сопровождается появлением различных записей апологического характера, объясняющего причины, по которым действие необходимо совершить: *Radulova*: «Так вот. Я — человек вообще-то довольно циничный и пресыщенный революционной романтикой. Но меня реально достало то, что творится в стране. И я сегодня днем решила, что моя совесть мне не даст спать спокойно, если я хоть что-то сейчас не сделаю, как-то не покажу свое возмущение. Пусть я одна там буду стоять под дождем, но я пойду...» (05.12.2011). *Borisakunin*: «Не усидел...» (09.12.2011).

Блогосфера, в частности аудитории популярных блогеров, не становится местом достижения консенсуса и солидарности. Многие комментарии содержат негативные высказывания в адрес авторов, других комментаторов, в адрес протестных лидеров или, наоборот, — в адрес власти. Любая информация постоянно «перемалывается» аудиторией в комментариях, проходя проверку «на прочность»; комментаторы стараются продемонстрировать собственную политическую подкованность в спорах с оппонентами. В частности, перед митингом 10 декабря 2011 г. в комментариях у Ильи Варламова¹⁷ многие публично заявляют о своем нежелании идти на митинг ввиду несогласия с лидерами протестного движения (Б. Немцов, В. Рыжков и др.). Также к записям в некоторых блогах (которые, очевидно, не модерировались их хозяевами) публикуются мнения или сценарии событий, в которых высказывается (и доказывается рациональными аргументами) недоверие к оппозиции и протестным деятелям: *dolboeb*: «1) объявляем в интернетах, что выборы незаконны 2) выводим на улицы негодующих хипстеров с айфонами 3) в нужный момент провокатор, переодевшись тоталитарным омовцем, жестоко убивает девочку с плакатом “Путин-вор!” 4) все это показывают по CNN и FoxNews, кадры во всех демократических бложиках 5) улицы выходят уже те, кому раньше было глубоко по**й [все равно — Авт.] 6) безполетная зона, международные санкции все дела 7) ... 8) прибыль в виде отжатых у тупых русских месторождений» (09.12.2011)¹⁸. Впрочем,

¹⁵ Запись в блоге bocharsky URL: <http://bocharsky.livejournal.com/475531.html> (дата обращения: 25.01.2014).

¹⁶ Запись в блоге navalny URL: <http://navalny.livejournal.com/656297.html> (дата обращения: 25.01.2014).

¹⁷ Запись в блоге zyalт URL: <http://zyalt.livejournal.com/491881.html> (дата обращения: 25.01.2014).

¹⁸ Форма комментария является ссылкой к мему из юмористического мультфильма «South Park».

чаще всего «несогласные» с протестным направлением действий жестоко критикуются и обвиняются в публикации комментариев за плату и т. д.

Другой группой записей, характерных для Живого журнала и, как нам представляется, важных для развития мобилизации, являются *репортажи с состоявшихся митингов*: это или личные впечатления (как правило, эмоционально насыщенные), или нейтрально поданная информация (текстовая или визуальная). Оценка таких записей, как правило, лаконична и скорее эмоциональна: это или слова благодарности, или выражение готовности приходить еще, или критика протестных действий. Пользователь — участник митинга, знакомясь с такими записями, находится в поиске возможности сравнить и разделить свои впечатления с другими; комментируя запись-репортаж, участник митинга обозначает факт своего участия. Репортажи с митингов выполняют сразу несколько задач: с одной стороны, они демонстрируют некоторую идеальную, желаемую, представляемую идентичность, образ «мы» (мы — «приличные люди», «люди с чувством собственного достоинства»), с другой стороны, способствуют дальнейшей мобилизации, и, наконец, аудитория блога вновь становится площадкой для обсуждения новой стимульной информации. *Zyalt*: «Было очень много новых лиц, тех, кто редко ходит на митинги. Это очень приятно. Редко встретишь, столько хороших людей в одном месте» (06.12.2011). *Drugoi*: «Самый главный итог вчерашнего митинга: на него пришли не только и не столько обычные посетители таких мероприятий, а те, кто на митинги никогда не ходит. Слишком велика оказалась обида, нанесенная москвичам» (06.12.2011). *Zyalt*: «Жаль, я не в Москве...» (06.12.2011); «готовимся к марту господ. к мартовским выборам» (06.12.2011). *Drugoi*: «Молодцы, чо» (06.12.2011).

В периоды между крупными мероприятиями оффлайн (между 5 и 10 декабря, между 10 и 24 декабря) большинство записей носит скорее рациональный, аргументированный, даже аналитический характер, направленный на разностороннюю оценку текущей политической ситуации.

Также характерно появление в равноценном количестве в числе популярных записей реакции оппонентов оппозиции, которые рассуждают о возможности революционного развития событий, которое «спонсировано» Западом; предостерегают от участия в митингах ввиду возможных опасностей и провокаций. Система аргументации блогеров, выступающих «против митинга», симметрична «оппозиционной»: здесь также используются приемы обращения к рациональности читателя, верификация знания посредством ссылок на факты, также присутствует дихотомия «*правда-ложь*» (в этом случае ложь уже «исходит» от оппозиционных лидеров), а также обращение к личному опыту и переживаниям. Но нужно отметить, что такие записи гораздо реже получают однозначную положительную оценку комментаторов (здесь практически полностью отсутствует одобрение и согласие), становясь местом для довольно ожесточенных дискуссий и обвинений в провокации. В таких спорах впервые зарождается довольно четкое дискурсивное разделение на «мы» и «они», которое можно наблюдать впоследствии и в виртуальном пространстве, и в пространстве масштабных городских акций (Громов, 2013).

Информационные записи и комментарии дают повод для эмоций, усиливают их, затем пользователь передает эту эмоцию в своем блоге или комментарии, и это продолжает эмоциональную волну, расширяя ее «зону влияния». Так, Интернет для протестующего является все же не простым инструментарием организации протеста, но и определенной сферой его эмоциональной и когнитивной деятельности.

Если в исследовании центра Беркмана (Беркман, 2010) указывалось на обособленность политического дискурса в российской блогосфере, то в декабре 2011 г. многие пользователи впервые ощущают близость к политическим проблемам, высказываются по поводу политической ситуации, заявляют о своем дебюте в политической дискуссии (онлайн и оффлайн). Интернет позволяет увидеть себя и проявить себя на фоне общей политической коммуникации, ощутить и продемонстрировать солидарность, так как здесь предлагаются определенные режимы близости и видимости, отличные

от оффлайн-среды. В определенные периоды Живой журнал как бы впадает в состояние напряженной информационной войны, когда происходит дискурсивная борьба за власть над общественным мнением с использованием различной аргументации «за» и «против» протестной деятельности. В отличие от, например, рассматриваемого в данном исследовании протестного сообщества в Facebook, Живой журнал не предполагает границ сообщества и создания единого информационного поля. Живой журнал, изначально являясь набором сетевых дневников, становится неким «Живым СМИ», которое предполагает плюрализм позиций и дискуссионную составляющую, а также создание каждым автором блога и комментаторами некоего объединенного нарратива-версии происходящего. Живой журнал в меньшей степени претендует на роль координационной площадки протестной активности, так как мобилизация здесь не происходит в режиме онлайн: практически все тексты являются осмыслением уже произошедших событий или становятся местом для размещения объявления о предстоящем мероприятии. Но в то же время Живой журнал, благодаря функционалу блога (т. е. возможности размещать длинные записи с иллюстрациями, видео; а также сохранять и архивировать эти записи), в большей степени предоставляет возможности апробации различных способов аргументации, которые затем распространяются в других социальных сетях.

Facebook-сообщество: дилеммы мобилизации и попытки электронной демократии

В качестве следующего объекта исследования мы выбрали сообщество в социальной сети Facebook «*Мы были на Болотной площади и придем еще*»¹⁹, которое можно назвать своеобразным информационным центром в среде пользователей Facebook (это сообщество ориентировано в основном на обсуждение московских акций протеста). Читателями этого сообщества на август 2013 г. являлись 33 221 пользователь²⁰.

Сообщество в Facebook «*Мы были на Болотной площади и придем еще*» по своей форме и технически является скорее *блогом*, т. е. пространством, где публикуются записи и комментарии к ним. Этот блог наполняется информацией как одноименным пользователем (или группой модераторов) на *главной странице* сообщества, так и его читателями в разделе «*Недавние публикации от других*». За выбранный нами для анализа период — декабрь 2011 г. — на главной странице появилось 79 публикаций от имени модераторов, большинство из которых сопровождалось активными комментариями участников (количество комментариев к некоторым постам превышало сотню, но в среднем составляло 10–30 к каждой отдельной публикации)²¹. В связи с его специфическим форматом, под членами сообщества мы условно будем понимать всех людей, публикующих в нем свои посты и комментарии.

Характерной особенностью участия в сообществе является большая доля пользователей, которых можно назвать «*наблюдателями*» (то есть читающими, но не пишущими комментарии, публикации и т. д.). Поэтому аналитическое описание, по большей части, касается *только «активно» предъявляемых позиций*. Важно сказать, что большую роль в жизни сообщества и виртуальной активности играют «*молчаливые*», *пассивные формы участия*, такие как голосования, одобрения («лайки» — от англ. to like) и распространение

¹⁹ Сообщество «Мы были на Болотной и придем еще». URL: <http://www.facebook.com/moscow.comes.back>. Мы выражаем благодарность за помощь в сохранении архива фейсбук-дискуссий Александру Толмачу (РИА НОВОСТИ).

²⁰ Согласно статистике страницы, средний возраст находится в диапазоне от 25 до 34 лет; основной город проживания участников — Москва (см.: Там же).

²¹ Не все из этих комментариев остались доступными, потому что часть их впоследствии удалась как модераторами (обычно по жалобе участников, в связи с принятой в Facebook практикой), так и самими участниками.

информации. Так, например, в среднем на 200 комментариев к записи может приходиться до 1000 форм одобрения.

Датой образования сообщества (функционирующего и по сей день) стало 10 декабря 2011 г., т. е. оно было создано непосредственно после проведения первого большого разрешенного протестного митинга на Болотной площади — и этот факт отражен в его названии. Изначально главной целью существования сообщества было непосредственно *информирование* о митингах, шествиях и прочих акциях протеста, а также обсуждение и координация различных форм протестной активности, — например, *сбора денежных средств* на различные нужды.

Таким образом, оно сложилось скорее как информационный, организационный и мобилизационный ресурс, чем как дискуссионная площадка — вывешенные сообщения адресованы преимущественно единомышленникам. В первый месяц существования сообщества к числу наиболее важных мобилизующих сообщений относились, в первую очередь, *новости о согласовании митингов*: судя по комментариям к записям, люди были тогда склонны приходить (и заявлять о своем участии) только на разрешенные мероприятия, снижая при этом риски.

При этом нельзя сказать, что комментарии противников оппозиции и/или сторонников существующей власти подвергались тотальной цензуре и уничтожению — в случае, если такой критик придерживался норм вежливости и не проявлял излишней настойчивости (говоря другими словами, если на него не жаловался никто из остальных участников обсуждения), то его комментарии оставались доступными для чтения. «Границы допустимого» по отношению к критикам определялись, как это обычно и бывает в подобных группах, модераторами. Стоит отметить, что во все время существования группы модераторы продолжали сохранять анонимность: все сообщения от их лица публиковались исключительно под логотипом группы, и такая политика самопрезентации далеко не случайна (хотя подавляющее большинство «рядовых» участников дискуссий выступало не под псевдонимами, а под своими настоящими именами, как это и принято в Facebook). Такое обращение от имени группы связано не столько с «конспирацией» (узнать настоящие имена модераторов для заинтересованных в этом инстанций не представляет никакой проблемы), сколько с особой идеологией протестного движения, позиционировавшего себя с первых месяцев его существования как движение без «вождей», независимое ни от каких конкретных лидеров (исследователь протестных движений в различных странах Е. Морозов назвал этот феномен «не имеющая лидеров партия Фейсбука» (Morozov, 2011, p. 328).

В качестве базы для анализа мы использовали все публикации, размещенные на *главной странице* данной группы с начала ее существования (10 декабря) и до конца месяца и года, 31 декабря 2011, включая сюда все посты модераторов и комментарии к ним, доступные нам на момент исследования²².

При анализе публикаций в этой группе нас интересовали в первую очередь не мотивы участия в протестной активности и не стратегии протестующих — их анализ лежит в области исследования общественных движений и, в целом, выходит за рамки задач данной статьи, — а именно та роль, которую сыграла данная интернет-площадка как «место протеста» (по аналогии с «местами памяти») в организации протестной активности, обсуждении ее форм, артикуляции мотивов, коммуникации между протестующими.

Материалы оффлайновых уличных интервью, проведенных участниками Независимой исследовательской инициативы (НИИ митингов) однозначно указывают на то, что первичным источником информации, побудившей большинство участников протестных митингов выйти на площади, были многочисленные свидетельства о массовых фальсификациях выборов, размещенные в Интернете. *«Интервьюер: От кого и как вы узнали информацию об этом митинге? Информант: Конечно же, Фейсбук. Интернет. Интервью-*

²² По состоянию на 25 июля 2013 г. (последнее обращение).

ер: То есть Фейсбук — это был главный ресурс, на который вы опирались? Информант: Да-да, но и также все ролики о фальсификациях, об обстановке и так далее. Естественно, это то, что не показывают по телевизору, потому что оно сплошь государственное, но в наш век свободной информации мы можем получить доступ, достаточно немножко поискать» (мужчина, около 25 лет, высшее образование, фрилансер)²³. Тема противопоставления «свободной информации» из Фейсбука и Интернета и цензурированной информации и государственно регулируемого телевидения возникла во многих интервью: *Интервьюер: От кого и как вы узнаете информацию? Где вы вообще ее увидели? Информантка: На Фейсбуке. Интервьюер: Это основной источник? Информантка: «Да. Ну, телевизор я не смотрю. Я читаю всегда новости в Интернете, интересующие меня издания, сайты этих изданий»* (женщина, около 30 лет, высшее образование, дизайнер интерьера, частный предприниматель). Таким образом, в многоголосом, сложно организованном пространстве Интернета пользователи образуют свои «круги доверия», которые отчасти (но не полностью) совпадают с границами их сетевых сообществ и, видимо, в значительной степени формируют их актуальную картину мира, в данном случае — политическую. Как сформулировал один из участников митинга, «это выбор с уже сформировавшимся институтом того же Фейсбука, и так далее, тут очень много людей, которые пришли, узнав это именно оттуда. И мы бы никогда не пришли, если это было бы согласовано КПРФ или каким-то политическим движением. Интервьюер: То есть вы поддерживаете скорее либеральную оппозицию? Информант: Я вообще не поддерживаю никакую оппозицию» (мужчина, около 25 лет, высшее образование, фрилансер). В этой, очень характерной цитате, «институт Фейсбука» четко противопоставляется всем политическим партиям, даже всей оппозиции, не заслуживающей, по мнению информанта, никакого доверия. А вот Фейсбук заслуживает доверия, потому что там пользователь окружен «френдами», людьми, с которыми его связывают личные отношения, не опосредованные никакими формальными структурами.

Влияние формата сетевых сообществ на формирование самой логики протеста и средств его выражения можно было заметить и на самодельных плакатах, которые приносили с собой митингующие. Так, в статье Михаила Габовича, посвященной анализу слоганов, использованных протестующими, приводится несколько фотографий, на которых отношение к власти выражено с помощью значков «share» (в контексте — поделиться властью, буквально — «расшарить власть») и «dislike» (то же по отношению к власти) (Gabowitsch, 2012, p. 220, 221).

На представленном снимке (фото 1)²⁴ виден участник протестов с флагом с лаконичной надписью «facebook». Данный снимок сделан во время более поздней стадии протестов — майского движения «Оккупай Абай» — но флаг появился уже во время первых зимних митингов²⁵. Само упоминание сети Фейсбук, без каких-либо уточнений и комментариев, выглядело как один из «символов веры» протестующих.

Это не означает, что внутри сообществ не существует дискуссий, но обычно разногласия возможны лишь до известного предела — последовательное оспаривание основных ценностей и представлений, спланивающих группу, как правило, пресекается модераторами или самими участниками (Misnikov, 2012).

Какие функции выполняет тогда общение в рамках группы, в данном случае — фейсбук-группы «Мы были на Болотной и придем еще»? Если провести поверхностный количественный анализ всех комментариев, сделанных к публикациям модераторов за декабрь 2012 г. (всего к 79 публикациям было сделано 2117 комментариев), то можно отметить, что 706 из них составляют эмоциональные высказывания, отражающие ре-

²³ Данные цитаты — из интервью, взятых участницей Независимой исследовательской инициативы (НИИ митингов) А. Ваньке в Москве на митинге на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г.

²⁴ Снимок с портала publicpost.ru, автор неизвестен.

²⁵ Личные наблюдения авторов.

Источник: Портал publicpost (дата обращения: 15.07.2013).

Фото 1

дольше» (19.12.11); НС: «Скептиков становится все меньше, а деятельных, активных, верящих в перемены и жаждающих дела — все больше. Я видела на митинге именно таких. И я хочу именно с ними строить будущую страну! Вот увидите, следующий митинг соберет уже миллион!» (25.12.11). Несомненно, подобные высказывания играют значительную роль в «эмоциональной мобилизации» (Castells, 2012, p. 219–221) участников протестов, превращая чувство гнева от ощущения обмана со стороны властей в позитивные эмоции, укрепляющие их групповую солидарность. Это «празднование солидарности» представляет собой серьезное эмоциональное вознаграждение для участников сообщества, как и для участников митингов: АГ: «ТАКОЕ СТОИТ ОДНАЖДЫ ПЕРЕЖИТЬ! В ВОЗДУХЕ БЫЛО ЧТО-ТО НЕПЕРЕДАВАЕМОЕ, так же хорошо, когда ты очень сильно влюблен... только при этом весь твой мир вместе с тобой пританцовывает... Все в тот момент приобрели реальное ощущение РОДИНЫ» (26.12.11). Важно отметить, что коллективно переживаемые эмоции имеют в то же время для участников глубоко личностный характер, часто осмысливаются как значимая часть биографии: МП: «Вчера, пока пикетировал на Петровке за Удальцова, вспомнил, что я офицер запаса, и есть присяга Родине=народу...» (15.12.11).

Для многих участников сообщества включение в протестную активность послужило возможностью удовлетворить дефицит гражданских переживаний и гражданского действия, сложившийся из-за дистанцирования от предшествующих протестам политических и общественных процессов. 687 комментариев содержат либо призывы к определенным действиям офф- или онлайн, либо предложения о том, как лучше предпринимать и координировать эти действия. Спектр предлагаемых активностей самый широкий: от предложений перепостить и распространить как можно шире информацию о митингах, до создания оппозиционных организационных центров, например: АГ: «Нужно создать структуру для организации протестного движения. Нужны новые люди — организаторы, в том числе из регионов. Предлагаю сделать следующее: во всех регионах быстро организовать группы на ФБ из тех, кто участвует в протестном движении. От этих людей избрать 2–3 представителей в оргкомитет протестного движения. Люди на местах знают, кого выбрать...» (16.12.11). В этой цитате интересно, что Фейсбук рассматривается не только как основной способ коммуникации протестующих, но и средство руководства новым общественным движением. Некоторые предложения носят еще более конкретный характер: ГА: «Нужна помощь юристов. Братцы, только что в Москве милиция задержала

акции участников группы на текущие политические события — например, МК: «Как им не стыдно? Это же наглая ложь. Они смотрят в глаза и наглым образом лгут. Это уже не власть. Это уже обманщики. Они врут глядя в лицо народу. Плюнул бы им в лицо» (25.12.11)²⁶. Большая часть эмоциональных высказываний, однако, выражает не гнев, а позитивные эмоции, связанные с ощущением солидарности и радости от общения с единомышленниками — как онлайн, так и непосредственно на митингах: АФ: «Почитал комменты — с таким народом сам чёрт не страшен. Я в восторге, что живу среди вас — живите как можно

²⁶ Все цитаты из группы маркируются инициалами участников, с указанием даты публикации.

расклеивателей объявлений о митинге. Среди задержанных — ФБ-юзер [имя. — Авт.] Она сейчас в отделении, ее моб. телефон [номер телефона. — Авт.] ПОЖАЛУЙСТА, не звоните "просто так" или даже со словами поддержки! Звоните только юристы, с конкретной помощью! Убедительно прошу перепостить эту просьбу. В конце концов, мы сейчас дома и за компами, а чудные люди — в милиции. Это неправильно и грустно. И нужно это исправлять как можно скорее. Найдитесь, юристы!» (22.12.11). Характерно, что задержанная активистка сразу же идентифицируется как ФБ-юзер, т. е. член сообщества, что предполагает дополнительное основание для солидарности.

К особой форме гражданской активности в рамках группы можно отнести и многочисленные попытки организации электронного голосования — как по списку желаемых выступающих на будущем митинге, так и по более частным вопросам. Эти попытки говорят в пользу гипотезы о востребованности «электронной демократии» как одной из важных несущих конструкций современного гражданского общества (Hague, Louder, 1999) — если пока еще не как реально действующего института (в частности, голосование в группе показало, насколько сложно осуществить этот проект, не вызывая недовольства многих участников), то хотя бы как вектора желательного развития: СВ: «Если еще и выступающие будут точно соответствовать голосованию, это будет отличный пример правильной демократии. Горжусь страной прям последнее время» (20.12.11). По сути, речь идет о поиске способов реализации протестного движения как системы горизонтальных связей, с высокой степенью участия рядовых членов. Такие же интенции можно было обнаружить при осуществлении ассамблей и прочих форм самоуправления в активистском лагере «Оккупай Абай» (Grigoryeva, 2012, p. 185–187). Эти попытки не привели к успеху, но в данном случае очень важна сама интенция, и здесь мы снова видим пересечение и взаимопроникновение он- и оффлайн-практик. Такая демократия, по мнению членов группы, подразумевает не только голосование за лидеров, но и электронную отчетность организаторов перед всеми членами сообщества. Когда обсуждалась, в частности, сумма, которую необходимо собрать для организационного обеспечения митинга, то многими участниками было выдвинуто требование полной финансовой открытости. Типичный комментарий: ПМ: «Я вообще не знаю, много это или мало. Предполагаю, что столько, сколько нужно, но совершенно не вижу проблемы для организаторов повесить в Фейсбуке смету. Мне кажется, это вполне законное желание тех, кто финансирует что-либо, узнать, куда идут их деньги» (18.12.11).

Вообще, для участников группы оказалось очень важно создать свою систему принятия решений, максимально дистанцированную от любых существующих политических структур. Многими исследователями отмечалась демонстративная аполитичность протестующих, предпочитающих говорить о своих целях именно в этических, а не политических терминах (см., напр.: Бикбов, 2012, с. 145–147). За таким странным, казалось бы, феноменом, как аполитичность политического действия, стоит очень стойкое недоверие к существующим политическим движениям и их лидерам, даже активно участвующим в протестах, разделяемое большинством участников группы: НШ: «У меня (да и у большинства здесь собравшихся) другие цели, нежели у яблочников. Им PR нужен, а нам правда» (16.12.11); АВ: «Друзья, а если наш главный лозунг "за честные выборы", а не "Навального в президенты", нам не приходится...?» (19.12.11); ВЦ: «Вообще, тут есть люди, которым нужна Немцовская рожа на трибуне? Касьяновская, Рыжковская? Почему вообще обсуждается участие этого компрометирующего всю затею сброда?» (14.12.11). За таким негативизмом стоит не недовольство конкретными политическими фигурами, а последовательная позиция: АК: «не забудьте отделить идею митинга от политики» (19.12.11). «Политика» осмысливается участниками группы как заведомо скомпрометированная, «грязная» сфера деятельности, противостоящая их «чистым» эмоциям и идеалам, а политики — как люди, преследующие свои корыстные цели. Представители интеллигенции, поддержавшие протесты, воспринимаются до поры до времени как фигуры, находящиеся вне «грязной политики», и поэтому не вызывают такого неприятия:

КМ: «Со сцены, пожалуй, опять хотелось бы услышать Парфенова. Возможно также простых, неизвестных людей, просто пришедших на митинг по “зову сердца”. Точно могу сказать, что не хочется слышать на митинге пропартийные агитации и пропаганду!» (16.12.11). Участие в сообществе дает его членам иллюзию возможности честной и открытой общественной деятельности, не пересекающей с «грязной» зоной политики, своего рода параллельного публичного пространства, базой которого может быть только интернет-платформа.

В то же время идиллическое единство «честных граждан», объединившихся в свое альтернативное политическим партиям сообщество очень быстро оказывается нарушенным. Общение в группе делает видимыми множественные расколы среди «единомышленников», объединенных недоверием к режиму и недовольством нечестными выборами. Эти расколы имеют несколько оснований. Во-первых, они относятся к различным общественным фигурам, выступающим от имени протестующих. Как ни старайся обходиться без лидеров, какие-то люди должны выступать на митингах, формулировать требования и принимать организационные решения. Сама постановка вопроса об этом вызывает у участников сообщества протест: *НТ: «У нас что, уже начальство появилось? И мы должны быть ему послушны? Вообще-то те, кто приходил на площадь, на это не подписывались. Несчастье русской подпольно-революционной традиции в ее склонности к сектантству» (13.12.11).* Тем более бурные дискуссии, вскрывающие идеологические противоречия участников, вызывают практически любые конкретные кандидатуры.

Другим серьезным поводом для острых дискуссий служит допустимая мера радикальности либо, напротив, «законопослушности» протеста. Как отмечал Александр Бикбов, для многих протестующих их законопослушность, противопоставляемая беззакониям власти, являлась важной частью их самопрезентации (Бикбов, 2012 а, с. 148, 149). Эти же мотивы можно в явной форме проследить и среди участников исследуемого сообщества: *АС: «не надо вешать на нас ярлыки революционеров, ок?» (21.12.11).* Однако другим участникам такое поведение сразу стало казаться беспомощным и соглашательским. Это противоречие ярко проявило себя, например, в забавной «дискуссии о термосах». Эта дискуссия разгорелась как реакция на пост модераторов о том, что мэрия Москвы разрешила будущим участникам зимнего митинга взять с собой термосы с горячим чаем. У одних участников это известие вызвало энтузиазм: *АК: «Я, пожалуй, кофейку налью в термос. Можно устроить флешмоб, когда все угощают друг друга (смайл). Это будет “добрая революция” (смайл)» (20.12.11);* у других же — презрительное негодование: *АБ: «Извините, не вполне понятен восторг по поводу очередной подачи (монаршей милости) от “мэрии”. Они давно все границы перешли, а мы на термос разрешение должны спросить. Все твердят, как мантру — “мы должны оставаться в рамках правового поля”. По форме правильно, по сути — издевательство...» (20.12.11);* и даже: *АХ: «Вам милостиво разрешили термосы, какое счастье! О каких тогда требованиях к власти вы шепчете, планктон?» (20.12.11).* При этом у третьей части участников даже термосы вызвали опасение возможных провокаций: *СШ: «это очень плохо. это реальная угроза безопасности... Товарищи организаторы! Хочу привлечь ваше внимание, что при таком количестве людей достаточно небольшого взрыва, чтобы произошла большая трагедия. Судя по комментариям, участники не понимают серьезности ситуации» (20.12.11).*

За этими разногласиями по мелкому, по сути, организационному вопросу стоят гораздо более серьезные различия в позициях участников сообщества. Для одних из них коммуникация в сообществе и собственно выходы на митинги являются способом мирного протеста, направленного на возможный диалог с властью, которая должна же заметить, «как нас много», и одновременно — возможностью получить положительные эмоции от переживания солидарности с другими протестующими. Для других — это начало серьезного политического противостояния с непроговариваемыми пока силовыми перспективами, и им такая позиция кажется невыносимо соглашательской. Как издевательски написал один из участников «дискуссии о термосах»: *АА: «Чай в термо-*

сах, бутерброды, яйца вкрутую, куриные окорочка. Ах, да, ещё всё это надо положить в корзинку и взять одноразовую посуду. И пледы, пледы не забудьте. И раскладные стулья. Революция — так по полной» (20.12.11). Настроенных более решительно участников сообщества раздражает желание их товарищей «устраивать из протестной акции праздник»: АТ: «Я не пойду 24-ого из-за баранов с шариками! Беда России — все превращается в фарс! Подросткам не хватает опенэйров! Дебилы!!! Если бы Я ходил на митинги в 1990–91 г с шариками или цветами, до сих пор президентом был бы Горбачёв!!» (16.12.11). Впоследствии отношение к перспективам радикализации протестов разделит сообщество гораздо сильнее...

Еще одним основанием для разделения служит оценка будущих перспектив протестного движения. Уже после митинга 24 декабря, наряду с массой эйфорических комментариев (например, ОП: «просто супер!!!! сколько же народа! и с каждым разом все больше будет, до тех пор пока власть будет нас игнорировать или идти на липовые уступки! молодцы сограждане!» (25.12.11)), зазвучали и голоса пессимистов: БВ: «Толку-то что, дорогие мои? ВВП все равно имеет (в прямом и переносном смысле, как минимум, 25 процентов населения)? Поймите правильно, я не путинский наймит... 30 тысяч человек не повод для того, чтобы Путин ушел в отставку. Все просто. Не так ли?» (25.12.11). Участники сообщества (пока еще в небольшом меньшинстве) постепенно стали осознавать всю проблематичность стратегии «альтернативного политического сообщества», не имеющего достаточного значимых ресурсов, чтобы влиять на реальные политические процессы. Важной задачей сообщества становится выработка перспективной стратегии, которая не прекращается и по сей день, но не является особенно результативной хотя бы потому, что не покидает границ сообщества как дискуссионного клуба. Таким образом, встреча на общей интернет-площадке позволяет участникам не только наслаждаться солидарностью, но и увидеть противоречия внутри движения, иллюзорность его видимого единства.

Подведем некоторые итоги. Анализ дискуссий и прочих форм коммуникации, сложившихся в фейсбук-сообществе «Мы были на Болотной площади и придем еще» в первый месяц его существования, позволяет увидеть многие важные аспекты функционирования социальных медиа как элемента протестной активности. У нас нет оснований считать, что участие в подобных сообществах создает новые идентичности политических субъектов — большинство участников приходит туда с уже сложившейся системой убеждений и политических взглядов, которые существенным образом не меняются в результате участия в интернет-активностях. В этом смысле виртуальные сообщества, как это отмечалось многими исследователями, проигрывают по сравнению с более тесными формами личной, офлайн-коммуникации (Diani, 1999; Gladwell, 2010; Alexander et. al., 2011; Ross, 2011). Однако компьютерно-опосредованная коммуникация играет очень важную роль в структурировании протестных движений, в создании рамок и возможных репертуаров протестных действий, причем как на коллективном, так и на индивидуальном уровне.

Твиттер Wake up Russia как средство распространения информации и координации движения

Твиттер представляет собой коммуникативную площадку, которая позволяет публиковать короткие сообщения до 140 символов, как с компьютеров, так и с мобильных устройств, подключенных к сети Интернет. Такая форма социального медиа делает возможной публикацию заметок в режиме передвижения и фрагментарного действия во время участия в митинге и других видах протестной активности. Несмотря на это, по мнению исследователей, связь между Твиттером и протестами за честные выборы неоднозначна, поскольку он как инструмент коммуникации одновременно выполняет различные функции (Грин, 2012, с. 1–2; Nikiporets-Takigawa, 2013, с. 16). Твиттер играет

нейтральную, поддерживающую, организационную и деструктивную роль в гражданском движении (Там же, с. 16). Он обобщает и распространяет информацию, относящуюся к протестной мобилизации (Грин, 2012, с. 2).

Согласно результатам исследований, российский сегмент Твиттера не является пространством для политических дискуссий, хотя оппозиционные пользователи чаще склонны осуществлять коммуникацию со сложной разветвленной структурой (Там же, с. 2) — не только делать ретвиты, но и отвечать на сообщения — по сравнению с пользователями, занимающими провластную позицию (Semenov, 2012). Значительную роль в освещении и обсуждении митингов за честные выборы в Твиттере на момент первичной мобилизации играют профессиональные журналисты (Грин, 2012, с. 2) и известные блогеры, впрочем, также как и на других медийных площадках русскоязычного сегмента Интернета: в Живом журнале и электронных СМИ (Бикбов, 2012 а, с. 144–145).

Предметом нашего рассмотрения является Твиттер @WakeUpR, который расшифровывается как Wake up Russia, что в переводе означает «Просыпайся, Россия». Он является аналогом группы Фейсбук и ВКонтакте «Мы были на Болотной площади и придем еще», имеет такой же аватар, ведется теми же модераторами²⁷. К моменту написания статьи число читателей микроблога насчитывает 41 875 человек. Количество опубликованных сообщений равняется 21 492 твитам. Его интересы и темы сосредоточены вокруг событий движения «За честные выборы». Дата создания микроблога, как средства, предназначенного для быстрого распространения новостей и координации предстоящего митинга 24 декабря 2011 г. на проспекте Сахарова, относится к 14 декабря 2011 г. Информация об этом сразу «расходится» среди заинтересованных пользователей и известных блогеров: *037 Rvachev Nikita: «Ребята, создан Твиттер координации митинга за честные выборы @WakeUpR пожалуйста RT» (14.12.2011). 020 WakeUpR: «@navalny Алексей, можете проинформировать людей о нашем официальном Твиттере? Нужны подтверждения — пишите. Очень важно и нужно. Спасибо!» (21.12.2011).*

Твиттер не позволяет получить доступ к ранним сообщениям, опубликованным @WakeUpR, поэтому для поиска твитов, относящихся к 14–31 декабря 2011 г., мы используем «Яндекс блоги»²⁸. Такой способ отбора имеет свои ограничения, поскольку данная поисковая система фиксирует только популярные сообщения, но позволяет составить представление о том, какие сообщения получили наибольшее внимание со стороны пользователей. Нами было отобрано 37 твитов, относящихся к теме митинга на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г. Для анализа структуры коммуникации мы выделяем несколько типов сообщений, которые различаются по функциям и виду суждений.

Призывы и приглашения прийти на митинг. В основе этих сообщений лежит интенция мобилизовать людей на действие — выйти на митинг. Они выражают желание и/или обоснование прийти на митинг. Твиты данной подгруппы различаются между собой по форме, жанру и способу аргументации. Рассмотрим некоторые из них:

003 WakeUpR: «Друзья, мы очень хотим, чтобы 24 декабря на проспект Сахарова пришло как можно больше граждан. Но кроме того, мы... <http://fb.me/GYBWUIUG>» (16.12.2011).

006 WakeUpR: «Новый год — каждый год. А такой митинг — раз в 20 лет» (17.12.2011).

Действующим лицом сообщения 003 выступает коллективный субъект, ассоциирующий себя с «гражданственностью» и выражающий свое желание действовать (Бикбов, 2012 б), а также через обращение к читателям-«друзьям» — мобилизовать сторонни-

²⁷ 019 WakeUpR: «@Zhelezina Этот твиттер ведут те же люди, что ивенты 10 и 24 числа в ФБ и страницу «Мы были на Болотной...»» (21.12.2011).

²⁸ URL: <http://blogs.yandex.ru/>

ков. Другими словами, коллективный субъект желает себя конституировать в действии — прийти на митинг и сделать себя явным и очевидным, а также «нарастить» массу: привлечь «как можно больше граждан». Сообщение 006 выстраивается вокруг двух значимых событий — митинга 24 декабря и празднования Нового года, которые хронологически следуют друг за другом. Это сообщение, с одной стороны, содержит аналогию, которая ставит в один ряд митинг и праздник, с другой стороны, проводит между ними различия; первый — редкость в российских реалиях декабря, второй обладает свойством повторяться ежегодно. Сравнение, а вместе с тем и различие митингов и праздников в последующие месяцы получит свое развитие в медийном дискурсе при описании гражданских и провластных массовых акций²⁹.

Суждения-призывы строятся и на противопоставлении фигуры президента, его действий и чувств чувствам и действиям коллективного субъекта гражданского протеста. Для подтверждения этого тезиса обратимся к следующим высказываниям:

002 RT WakeUpR; Эпический креакл @epic_hero_ru: «Путин считает, что мы бараны с контрацептивами, которым платит Госдеп. Считаете иначе? Приходите 24-го на Сахарова [дается ссылка на событие Фейсбук — митинг 24 декабря]» (15.12.2011).

007 WakeUpR: «На митинг Яблока сегодня пришло не так много людей. Сейчас Путин решит, что мы скисли, давайте покажем 24 декабря, что он крупно ошибся» (17.12.2011).

В сообщении 002 автор апеллирует к оскорблению, которое наносится президентом митингующим, вышедшим на улицу 5 и 10 декабря для того, чтобы выразить свое несогласие с масштабными фальсификациями. Оскорбление выражается, во-первых, в сниженной лексике «бараны с контрацептивами», во-вторых, обвинение в неискренней намеренности митингующих, что объясняется оборотом «которым платит Госдеп». Оскорбление — исходная посылка, которой автор противопоставляет несогласие, способное выразиться в виде прихода на митинг 24 декабря. Логическая формула сложного суждения выглядит следующим образом: посылка: [бараны] — если нет, то... следствие: [приходите на митинг].

Фигура президента является единичным субъектом сообщения 007, желаниям и намерениям которого противопоставляется действие коллективного субъекта «мы». Действие, которое должно стать следствием прихода на митинг, — показать президенту, что он ошибся, разочаровать его. Таким образом, сообщения 002 и 007 содержат как рациональную (логическую) стратегию аргументации, так и обоснования, связанные с желаниями митингующих восстановить справедливость: доказать «истину» и опровергнуть «ложь». Эта же логика противопоставления «истины»/«лжи» организует мобилизационный импульс движения за честные выборы, который становится результатом масштабных фальсификаций выборов в Государственную думу 4 декабря 2011 г., получивших широкое освещение и обсуждение в Интернете. В нем выражается желание провести выборы прозрачно, подсчитать голоса без искажений и нечестных действий со стороны властей. Оппозиция «истина»/«ложь» организует декабрьскую онлайн-коммуникацию на предмет выборов и митингов, а также структурирует митинговую активность на начальном этапе движения. Примечательно, что «декабрьские выборы» становятся менее популярной темой обсуждения после 14 декабря. Большое количество ретвитов в этот период получают сообщения, связанные с подготовкой и освещением митинга 24 декабря на проспекте Сахарова.

²⁹ На митинг — как на праздник//Радио Свобода. 1012. 22 февраля. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24492634.html> (дата обращения: 31.07.2013).

Якутские бюджетники вышли на митинг как на праздник//Коммерсант-онлайн. 2012. 5 марта. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1887344> (дата обращения: 31.07.2013).

Майские праздники: перекрытые дороги и митинги//Афиша@mail.ru. 2012. 27 апреля. URL: <http://afisha.mail.ru/msk/city/news/34385/> (дата обращения: 31.07.2013).

Призывы и приглашения распространять информацию о предстоящем митинге, звать на него друзей, коллег, родственников. Распространять новости и сведения необходимо, во-первых, в Интернете: «шерить» или «шарить» информацию (от английского слова «share»), делать «репосты», «перепосты» и «ретвиты»; во-вторых, среди знакомых в реальной коммуникации, развешивать в своих районах листовки с приглашением на митинг³⁰. Рассмотрим несколько примеров:

005 WakeUpR: «Нас уже 25000, не останавливаемся! Продолжайте звать друзей и шерить (нажимать «поделиться»)! РЕПОСТ. Спасибо!.. <http://fb.me/H4tsibNr>» (16.12.2011).

011 WakeUpR: «А между тем, только подтвердивших в facebook, что придут на митинг 24 декабря на Сахарова, уже больше 28000!.. <http://fb.me/wHCiKnV6>» (18.12.2011).

Сообщение 005 содержит информацию о количестве человек, которые собираются посетить митинг. Данные получены в результате подсчета числа отметившихся пользователей на странице события в Фейсбук. Сообщение 011 строится по сходному принципу и содержит цифру 28000 потенциальных участников предстоящего мероприятия. Таким образом, событие начинает приобретать очертания еще до того, как оно произошло. В некотором смысле, оно предконструируется в сети прежде, чем перейти в трехмерное измерение проспекта Сахарова.

Призыв к распространению информации относится и к продвижению самого микроблога @WakeUpR:

017 WakeUpR: «У «Честных выборов» больше 10 000 фолловеров! Ура! Давайте сделаем 20 000!» (20.12.2011).

Модераторы подсчитывают число «фолловеров» (от слова «follower») — подписчиков, тех, которые постоянно следят за обновлениями — и создают посредством этого суждения виртуальный коллективный субъект, который измеряется в 10 000 постоянных читателей. Здесь мы обнаруживаем тот же мотив — желание-интенцию модераторов увеличить численность в форме предложения, обращенного к читателям: «*Давайте сделаем 20 000!*». Суждение утверждает коллективный субъект через достижение, ставшее результатом шестидневной работы в период с 14 по 20 декабря 2011 г. Это утвердительно достижение сопровождается радостью, выраженной с помощью эмоционального и побудительно междометия «*Ура!*».

Организационные сообщения. Содержат полезную информацию и материалы для тех, кто собирается прийти на митинг. Данная группа твитов включает в себя сюжеты переговоров разных акторов, производящих событие: ситуация со статусом мероприятия (согласованное/несогласованное), расположение опорных объектов в географическом пространстве митинга, отчеты о сборе финансовых средств, идущих на организацию мероприятия. В подтверждение этих тезисов рассмотрим несколько суждений:

001 WakeUpR: «Митинг 24 декабря согласован. На 50 тыс. Проспект академика Сахарова. pls RT» (14.12.2011).

008 WakeUpR: «Организаторы митинга 24 декабря согласовали с мэрией место расположения сцены. Она будет стоять спиной к Садовому... <http://fb.me/Y81Guokf>» (17.12.2011).

Сообщение 001 дает читателям — потенциальным участникам митинга — понять, что мероприятие будет проходить на легальном основании и предполагает массовость. Этот

³⁰ 018 WakeUpR: «Здесь вы найдете варианты листовок для распечатывания. Можно найти любые другие, главное, чтобы вам они... <http://fb.me/1fJY8Z1Hd>» (20.12.2011).

момент является дополнительным стимулом для того, чтобы прийти, поскольку санкционированная акция представляет меньше опасностей и угроз для участников, увеличивая тем самым численность и масштабность коллективного субъекта (Биков, 2012 б, с. 142–143). Это утвердительно суждение, датированное 14 декабря 2011 г., является результатом споров и переговоров разных акторов. Оно конституирует событие, помещая его в рамки коммуникативного диспозитива митинга: в нем фиксируется место — проспект Сахарова, время — 24 декабря, статус — легальный, максимальная численность — 50 тысяч человек. Сообщение 008 также является результатом договоренности между властными структурами и организаторами митинга, но уже по поводу локализации объектов внутри пространства митинга: сцена «будет стоять спиной к Садовому».

Данный тип утвердительных суждений содержится и в сообщениях, освещающих сбор пожертвований с их распределением в ходе организации митинга:

010 WakeUpR: «Сам Себе Госдеп» мы начинаем собирать деньги на митинг! за их сбор и за использование отвечает ОЛЬГА РОМАНОВА [ссылка на сообщение Фейсбук]» (18.12.2011).

016 WakeUpR: «Информация от Ольги Романовой: Состояние счета на 12 часов 10 минут 20.12.11–1486822 руб. 73 коп... <http://fb.me/FHbPuqET>» (20.12.2011).

Из сообщений 010 и 016 мы узнаем, что вопросом сбора средств занимается конкретный человек, и что акция осуществляется «снизу», проводится самими потенциальными участниками митинга. В данном случае важно то, что мы сталкиваемся с онлайн-практикой — пожертвованием или дарением денег на организацию события через Интернет, поскольку финансовые средства перечисляются на веб-кошелек ответственной за эту организационную часть Ольги Романовой. Из сообщения 016 мы также узнаем о том, что к 20 декабря 2011 г. собранная сумма составляет около полутора миллионов рублей, что можно рассматривать как достижение и результат предварительной работы. Таким образом, суждения сообщений этого типа связаны с инфраструктурой предстоящего события. Они создают и утверждают структуру взаимодействия до того, как событие произошло. Утвердительные организационные суждения в сети уже на стадии подготовки и до прохождения события намечают пунктирные линии диспозитива митинга: «Ну что, мы дождались 24 декабря. Это будет прекрасный день. Скоро увидимся!» (022 WakeUpR, 23.12.2011).

Освещение митинга с места событий. Твиты данного типа зачастую являются цитатами новостей дружественных медиа-каналов, заметок журналистов, популярных блогеров и обычных пользователей, участвующих в митинге, и ведущих Твиттер в режиме реального времени с помощью мобильных устройств. Форма сообщений с места событий может быть текстуальной со ссылкой на источник и визуальной со ссылкой на ресурс, где размещена фотография (например, [pic.twitter](http://pic.twitter.com)) или видеозапись (например, [youtube](http://youtube.com)). Эти сообщения носят перформативный характер, написаны в настоящем времени. Они констатируют факт того, что происходит в данном месте в данный момент времени — здесь и сейчас — на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г. Рассмотрим несколько примеров:

029 RT WakeUpR: Ilya Varlamov @varlamov «Еще вид с вышки pic.twitter.com/9o4C5bfC»

027 RT WakeUpR: **Plushev** @plushev «Из-за флагов не видно ни фига. Экранов нет, но вот слышно отлично. Выступает Акунин» (24.12.2011).

031 RT WakeUpR: **Телеканал ДОЖДЬ** @tvrain: «Я вижу здесь достаточное количество людей, чтобы взять Кремль и Белый дом прямо сейчас. Но мы не сделаем этого» @navalny #митинг #сахарова. (ретвит сообщения Алексея Навального телеканалом «Дождь», 24.12.2011).

(24.12.2011).

Сообщение 029 является ретвитом заметки известного блогера Ильи Варламова. Его утвердительное перформативное суждение облечено в форму фотографии и короткой текстуальной подписи к ней. Данный тип суждений производится в момент осуществления действия и утверждения реальности. Он есть акт и факт фиксирования меняющихся ситуаций митинга. Отправленная с места событий фотография — «вид с вышки» — аргумент, который служит подтверждением реальности происходящего. Она — свидетельство того, что на проспекте Сахарова собралось большое количество митингующих. Фотография как перформативный аргумент может послужить мобилизационным стимулом для действий в пространстве оффлайн.

Так, в сообщениях с места событий мы обнаруживаем визуальную и текстуальную форму протеста. Эти суждения строятся вокруг способности митингующих воспринимать, видеть, слышать, ощущать и обзирать ситуативные контексты митинга. Сообщение 027 содержит фразу «Из-за флагов не видно ни фига. Экранов нет, но вот слышно отлично», что напрямую отсылает к чувствам восприятия митингующих, актуализирующих от взаимодействия с другими людьми и предметами: флагами и экранами. Сообщение 031 построено по сходному принципу. Оно начинается с фразы блогера и выступающего Алексея Навального «Я вижу здесь достаточное количество людей, чтобы взять Кремль и Белый дом прямо сейчас». В этом высказывании коллективный субъект обретает свою видимость, увеличивает потенцию коллективного действия, выраженного глагольным оборотом: «чтобы взять... прямо сейчас».

Кроме того, твиты, освещающие митинг в момент его протекания, содержат предостережения:

032 WakeUpR: «Народу много и около металлоискателей. Но все ведут себя спокойно и терпимо. Спасибо вам за это! <http://fb.me/1h7qhba2B>» (24.12.2011).

033 WakeUpR: «Будьте осторожны. В метро снова много народу. Если у вас есть время — лучше дойдите до м. Красные Ворота или... <http://fb.me/1pSVwFslt>» (24.12.2011).

Сообщения 031, 032 и 033 свидетельствуют о том, что митингующие самостоятельно стремятся поддерживать порядок внутри пространства митинга: «ведут себя спокойно и терпимо», вежливо и культурно (Бикбов, 2012 а, с. 144, 148). Модераторы @WakeUpR призывают к осторожности. Выступающие со сцены говорят, что «мы не сделаем этого» — не пойдём на Кремль сейчас.

Таким образом, в ходе анализа Твиттера Wake up Russia мы выявили несколько типов сообщений: 1) призывы прийти на митинг, 2) призывы распространять информацию о митинге, 3) организационные сообщения, 4) освещение митинга с места событий.

Таблица 2

Типы сообщений в Твиттере.

№	Тип сообщения	Тип суждения	Эффекты
1)	призывы прийти на митинг	рациональный, эмоциональный	мобилизация, информирование
2)	призывы распространять информацию о митинге	рациональный	мобилизация, информирование, создание инфраструктуры события
3)	организационные сообщения	рациональный	мобилизация, информирование, создание инфраструктуры события, предконструирование стратегий действия
4)	освещение митинга с места событий	рациональный, эмоциональный, перформативный	мобилизация, информирование, утверждение диспозитива митинга, реализация предконструированных стратегий действия

Каждый из выделенных типов сообщений сочетает в себе эмоциональные, рациональные и перформативные обоснования участия в митинге. Эти разные по регистрам аргументы апеллируют к этическим категориям «справедливости», «достоинства», «честности» и «чести». А сама коммуникация по поводу митинга на начальном этапе организуется оппозициями «истина»/«ложь», «белое»/«черное», «цивилизованное»/«некультурное», в которых «истина», «правда» и «культура» атрибутируются гражданскому движению, а «ложь», «махинации» и «коррупция» — персонифицированной власти. Это выражается как в лозунгах исследуемых нами групп, например, «Митинг за честные выборы», так и в названии самого движения «За честные выборы». Примечательно в этом смысле, что в качестве символа гражданского протеста была выбрана белая ленточка.

Типы выделенных нами сообщений хронологически соответствуют этапам осуществления события, начиная с подготовки митинга и заканчивая последующим обсуждением впечатлений. При переходе от первого к четвертому типу мы обнаруживаем увеличение числа производимых сообщениями и содержащимися в них суждениями эффектов, максимальное сочетание которых приходится на момент прохождения митинга. К ним относятся эффекты мобилизации, информирования, использования предсозданной инфраструктуры, реализации предконструированных в сети стратегий действия на митинге, например, способов культурно выражать гнев. Так, в ходе анализа суждений мы обнаруживаем элементы и пунктирные линии диспозитива митинга, который представляет собой ансамбль находящихся во взаимной связи коммуникативных площадок для производства и аккумуляции идей, каналов распространения информации, электронных кошельков для сбора финансовых средств и др.

Заклучение

Логика нашей статьи предполагает, что многие выводы и заключения из проделанного нами анализа удобнее поместить в конце разделов, посвященным трем разным формам интернет-коммуникации. Однако существуют и более общие соображения содержательного, методологического и методического порядка, вытекающие из полученных нами результатов.

В ходе предварительного исследования мы обнаружили, что коммуникация на трех площадках, посвященных движению за честные выборы, представляет собой конфигурацию из рациональных и эмоциональных аргументов, приобретающих различные дискурсивные и визуальные формы. Зачастую высказывание может одновременно содержать в себе и тот, и другой тип суждений, образуя точки схождения чувствительности и рефлексивной вовлеченности (Neveu, 2011, p. 106). Тем не менее мы можем предположить, что онлайн-дискуссии по поводу сфальсифицированных выборов в Государственную думу в начале декабря 2011 г. были перенасыщены эмоциональными суждениями, которые апеллировали не к политическому, а этическому способу обоснования, например, оскорбленному чувству достоинства избирателей или подлости фальсификаторов. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что эмоциональные высказывания рядовых участников и призывы медийных персон (известных блогеров, журналистов, писателей и других деятелей культуры) выйти на декабрьские митинги спровоцировали первичную мобилизационную волну. Однако мы можем утверждать, что эмоциональный импульс, предконструированный новыми (и старыми) русскоязычными медиа, стал одним из средств декабрьской мобилизации.

Мы также можем заключить, что рассмотренные нами интернет-площадки и разворачивающиеся на них дискуссии посредством рациональных дискурсивных практик поддерживают гражданское движение, развивающееся в реальном пространстве улиц и инициатив. Одним из примеров подобного рода может послужить организация, проведение (освещение) и обсуждение массовых митингов. Интернет-площадки являются частью инфраструктуры митингов в том, что касается сбора финансовых средств на их организацию, подготовки баннеров, придумывания лозунгов и распространения листовок с анонсами предстоящего события, а также координации действий участников митинга в момент его прохождения. Другим примером, в рамках которого виртуальные площадки и социальные сети становятся частью мобилизационной инфраструктуры, может послужить поиск и подготовка независимых наблюдателей, а также координация их действий на избирательных участках в день выборов.

Мы можем выделить следующие фазы протестной мобилизации, на которых интернет-коммуникация играет очень важную, если не решающую роль:

1. Получение информации, вызывающей протестные настроения. Как правило, это не единичный акт, а целая информационная волна, поступающая из разных источников, но пропускаемая через «настройки» социальных сетей, в результате чего какие-то информационные сообщения оказываются вне «зоны покрытия», а какие-то повторяются многократно, обрастая все новыми и новыми комментариями.
2. Разделение эмоций с единомышленниками. Понимание того, что индивид не одинок в своих переживаниях по поводу определенных событий значительно усиливает эти эмоции и побуждает к действию.
3. Выбор способа действия, который соотносится с репертуаром возможных в данной ситуации видов активности и, как правило, подбирается из предложенных онлайн.
4. Обсуждение с единомышленниками необходимых организационных шагов, достижение договоренностей. На этом этапе появляется много комментариев уже не эмоционального, а рационального характера, поступает множество конкрет-

ных предложений об оптимизации образа действий. Этим занимаются лишь наиболее активные участники сообществ, но остальные имеют возможность следить за их дискуссиями, поддерживать их принятыми в сообществах способами одобрения («лайками» и т. п.) и принимать решение о присоединении. На этом этапе возникает также вопрос о *доверии* тем или иным лидерам, публичным фигурам, а также взаимном доверии участников дискуссии.

5. После совершения акции онлайн — обсуждение ее результатов, вывешивание снимков, позиционирование себя как «участника исторических событий», снова разделение эмоций и наслаждение чувством солидарности. Это позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что многие участники сетевых сообществ, не интересовавшиеся ранее политикой, собираются на митинг (или вовлекаются в другие формы протеста) под влиянием того, что так делают участники их социальных сетей, члены их референтных групп, которые сейчас тоже уже сильно виртуализированы — либо виртуализирована форма общения с ними. Это могут быть не буквально люди, которых ты знаешь только через социальную сеть, но социальные сети позволяют тебе следить за тем, что делают значимые, авторитетные для тебя люди, — и подражать им, более того, благодаря возможностям сетей они могут увидеть, что ты, как участник протестов, делаешь то же самое, и это повысит твой культурный капитал среди твоих знакомых. Возможность сходить на митинг для многих участников была поводом выложить соответствующие фотографии в своих аккаунтах и претендовать, таким образом, на поощрение своей референтной (социальной) группы, а также получать эмоциональную поддержку. Отсюда взялась устойчивая точка зрения о том, что протест какое-то время «был модным» (Фонд развития гражданского общества 2012), а потом перестал — на самом деле, ослабло эмоциональное воздействие этих «ближних» виртуализованных групп.

Борис Гладарев в своем исследовании механизмов общественной мобилизации в градозащитные движения Петербурга предложил рассматривать их через призму прагматической социологии Болтански и Тевено. (Гладарев, 2012). Этот подход предполагает выделение трех различных режимов вовлеченности, позволяющих индивиду переключаться между разными видами деятельности: режим близости, в котором осуществляются повседневные, привычные, слаборефлексируемые практики; режим планового действия, отвечающий за планирование, инструментальные и функциональные действия; и режим критики и оправдания, в котором индивид действует в публичной сфере, руководствуясь соображениями общего блага и общих интересов (Болтански, Тевено, 2000). С точки зрения Гладарева, люди обычно вовлекаются в проблематику защиты историко-культурного наследия в *режиме близости*, ощущая «поломку» на безмолвном уровне физического взаимодействия с городской средой, когда они чувствуют фрустрацию от исчезновения из городского пейзажа знакомых с детства зданий. По мере накопления подобных «поломок» человек пытается разобраться в своих ощущениях и определить причину дискомфорта (Гладарев, 2012, с. 36, 37). На первый взгляд, эта логика не может быть применена к вовлечению в протестное движение «За честные выборы — участие в нем должно бы регулироваться «режимом критики и оправдания». Однако внимательный анализ дискурса протестных сетевых сообществ заставляет предположить, что, хотя в аргументах их участников прослеживаются все режимы вовлеченности — и размышления об общем благе, и попытки рационально решать организационные вопросы — отправной точкой служит все же именно «поломка на уровне режима близости» — эмоциональное ощущение краха личной картины мира, очень личностное переживание гнева, собственной обманутости, дискомфорта и вызванная этими эмоциями потребность в действии. Такой генезис протеста чрезвычайно затрудняет выработку внятной политической программы, возможность найти общий язык с другими протестующими, выработку стратегии. По сути, участников сообщества объединяют,

главным образом, общие эмоции возмущения действиями власти и солидарности между собой.

На наш взгляд, такое «смещение режимов» оказывается последствием плотной вовлеченности многих протестующих в интернет-коммуникацию. Степень вовлеченности в различные виртуальные практики, особенно *участие в социальных сетях*, у многих людей уже такова, что их повседневное, ближнее, интимное пространство во многом виртуализировано. И в этом смысле какие-то значимые, яркие, эмоционально освещаемые события, которые присутствуют в их личном интернет-пространстве, оказываются по определению событиями на «ближнем уровне». Главную роль здесь играет интерактивный обмен эмоциями, мнениями, аргументами столь же интенсивный, как если бы он происходил оффлайн, в кругу семьи или близких знакомых. Предполагаемая фальсификация результатов выборов представляет собой сюжет на уровне публичной политики, но Интернет придает таким событиям сильную интерактивную компоненту — возникают группы единомышленников (и противников), которые могут в режиме реального времени обмениваться мнениями и, главное, эмоциями. В этой ситуации событие из ряда публичных может вызывать столь сильный дискомфорт (или, наоборот, столь сильное эмоциональное присоединение), что оно становится (временно) событием на уровне «режима близости» и запускает мобилизационный механизм. Логика здесь, хотя формально отличается от той, о которой писали Болтански и Тевено, на наш взгляд, соответствует сути их подхода — в данном случае не для решения проблемы из «ближнего мира» приходится переходить в режим публичности, а наоборот, событие из публичного мира, которое принято рассматривать в терминах «общего блага», режима критики и оправданий, переходит вдруг в режим близости и становится на какое-то время личной проблемой, — и это именно эффект интерактивного Интернета. Дальнейшая вовлеченность в протестную активность тогда связана с тем, насколько соответствующий контент продолжает присутствовать в личном мире индивида, в его непосредственном окружении и его виртуальном сообществе, границы между которыми у активных интернет-пользователей все более и более стираются.

Наше исследование подтвердило тезис о том, что при изучении коммуникации по поводу общественных движений нецелесообразно проводить жесткую линию между он- и оффлайн активностью (Diani, 1999) — они органично и непротиворечиво перетекают друг в друга. Можно сказать, что интернет-коммуникация является «несущим стержнем» современного протеста, во многом определяя его временные рамки, формы, стимулы и — на данном этапе — основные итоги. Протест возникает в результате распространения именно в Интернете определенной информации и приводит к созданию групп единомышленников в виде социальных сообществ, формат которых во многом определяется доступными на каждой данной платформе сервисами. Однако он ни в коем случае не является исключительно интернет-феноменом: на определенных этапах рамки чисто электронной коммуникации становятся тесными для протестующих — они испытывают потребность переключиться в другой режим видимости, став именно *видимыми*, телесными, реально существующими людьми и предъявив себя в этом качестве своим оппонентам и друг другу. Именно «реальные» встречи в пространстве оффлайн обеспечивают необходимую для «эффективных солидарностей» эмоциональную подпитку. Поэтому, на наш взгляд, при исследовании механизмов интернет-мобилизаций очень важно не ограничиваться онлайн методами, дополняя их наблюдением (лучше всего включенным) и контрольными интервью. Применение сочетания традиционных социологических методов с методами онлайн исследований создает необходимую «стереоскопичность» исследовательской оптики.

Насыщенность описания также обеспечивается анализом различных форм интернет-коммуникации с отличающимися функционалами. Различные сервисы (или площадки) составляют социальный ландшафт интернет-пространства, являющийся средой развития протестного движения. Наше исследование позволяет проследить разные аспекты

протестов в контексте разных сервисов: широкие дискуссии со множеством участников, проходящие на платформе Живого журнала, формы самоорганизации протестующих, возникающие на базе фейсбук-сообщества и непосредственную координацию их действий, происходящую с помощью Твиттера. Мы можем увидеть на этих площадках сходную риторику, порождающую, однако, разные формы активности. Важно отметить, что эти различные формы протестной активности не взаимоисключают, но дополняют друг друга. В рамках Живого журнала осуществляется информационная подготовка к действию; Фейсбук является пространством для обретения протестным сообществом собственных границ доверия; Твиттер, как наиболее «мобильная» форма социальных сетей, способствует организации сознательной и «умной толпы» (Рейнгольд, 2006).

Таким образом, мы можем заключить, что современный российский протест, безусловно, не является чистым интернет-феноменом, но без интенсивной компьютерно-опосредованной коммуникации он не был бы возможен, либо имел бы совершенно другие формы. И это заключение позволяет нам поставить более общий вопрос: являются ли в современном мире интернет-сообщества необходимой базой для создания новых форм демократии и гражданского участия? Ответить на него мы надеемся в ходе дальнейших исследований.

Литература

Бикбов А. Методология исследования «внезапного уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 — июнь 2012)//Laboratorium. 2012. № 2. С. 130–163. (а)

Бикбов А. Представительство и самоуполномочивание (по материалам исследования НИИ митингов, декабрь 2011 — июнь 2012)//Логос. 2012. № 4. С. 189–229. (б)

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Болтански Люк, Тевено Л. Социология критической способности//Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3 (3). С. 66–83.

Гладарев Б. Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011–2012 гг.: анализ из перспективы французской прагматической социологии//Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4 (110). С. 29–43.

Грин С. Твиттер и российский протест. Мемы, сети и мобилизация//Рабочие материалы ЦИИО. 2012. № 1. С. 1–23.

Громов Д. Зимнее противостояние 2011–2012 гг.: две тактики мобилизации и самопрезентации//Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 109–125.

Дебрэ Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2009.

Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011.

Доклад для экспертного портала Высшей школы экономики opes.ru. URL: <http://opes.ru/text/1551280.html> (дата обращения: 24.07.2012).

Иванова Е. Профессионализация новых медиа и этос публичной сферы//Журнал исследований социальной политики. 2011. № 9 (2). С. 169–194.

Новая протестная волна: мифы и реальность [Доклад]. Фонд развития гражданского общества, 6 декабря 2012 г. URL: <http://civilfund.ru/mat/13> (дата обращения: 14.04.2013).

Столяров А. «Facebook-революция» в медиапространстве России [Доклад]/Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы. Материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.). М.: АПК и ППРО, 2013. С. 208–214.

Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности//Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 285–313.

Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004.

Хархордин О. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено//Социологические исследования. 2007. № 1. С. 32–42.

Этлинг Б., Алексанян К. и др. Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете. Исследования Центра Беркмана 2010–11, 19 октября. Университет

- Гарварда, Гарвард (США), 2010. URL: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere-RUSSIAN.pdf (дата обращения: 25.01.2014).
- ЖЖ теряет аудиторию//Ведомости. 2011. 12 октября. URL: http://www.vedomosti.ru/tech/news/1390295/poluzhivoj_zhurnal (дата обращения: 31.07.2013)
- Майские праздники: перекрытые дороги и митинги//Афиша@mail.ru. 2012. 27 апреля. URL: <http://afisha.mail.ru/msk/city/news/34385/>(дата обращения: 31.07.2013).
- На митинг — как на праздник//Радио Свобода. 2012. 22 февраля. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24492634.html> (дата обращения: 31.07.2013).
- Якутские бюджетники вышли на митинг как на праздник//Коммерсант-онлайн. 2012. 5 марта. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1887344> (дата обращения: 31.07.2013).
- Alexander A., Miriyam A. The Egyptian Experience: Sense and Nonsense of the Internet Revolution//International Journal of Communication. 2011. № 5. P. 1344–1358.
- Alexander J. The Civil Sphere. New York: Oxford University Press, Kindle Edition, 2006.
- Amossy R. L'arumentatation dans le discours. Armand Colin: Paris, 2010.
- Baron N. Language of the Internet//The Stanford Handbook for Language Engineers. Stanford: CSLI Publications, 2003. P. 59–127.
- Castells M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2012.
- Diani M. Social Movement Networks Virtual and Real [Conference paper]. A New Politics? CCSS. September 16–17. University of Birmingham, Birmingham (UK), 1999. URL: <http://www.nuim.ie/nirsa/events/isspsummerschool/readings/tuesday/LConnolly/ATT00042.pdf> (accessed 30.05.2012).
- Gabowitsch M. Social Media, Mobilisation and Protest Slogans in Moscow and Beyond//Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2012. № 7: P. 213–225. URL: http://www.digitalicons.org/issue07/files/2012/06/7.6.1_Gabowitsch.pdf (accessed 12.07.2013).
- Gladwell M. Small Change. Why the Revolution Will Not be Tweeted//The New Yorker. 2010. 4 October URL: http://www.newyorker.com/reporting/2010/10/04/101004fa_fact_gladwell (accessed 22.06.2013).
- Gorny E. Russian LiveJournal: The National Specifics in the Development of a Virtual Community. 2004. Russian-cyberspace.org. URL: http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/en/gorny_rlj.pdf (accessed 15.07.2013).
- Gorny E. Understanding the Real Impact of Russian Blogs//Russian Analytical Digest. 2009. № 69. P. 8–11. URL: <http://www.css.ethz.ch/publications/pdfs/RAD-69-8-11.pdf> (accessed 15.07.2013).
- Grigoryeva A. Observing Okkupai: Practice, Participation, Politics in Moscow's Movable Protest Camp//Laboratorium. 2012. № 2. P. 183–188.
- Hague B., Loader B. Digital Democracy: Discourse and Decision Making in the Information Age. London: Routledge, 1999.
- Herring S. Web content analysis: Expanding the paradigm//The International Handbook of Internet Research/Ed. by J. Hunsinger, M. Allen, L. Klastруп. Berlin: Springer Verlag, 2010. P. 233–249. URL: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/webca.preprint.pdf> (accessed 25.01.2014).
- Howard P., Muzammil H. Democracy's Fourth Wave?: Digital Media and the Arab Spring. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Keller R. Diskurse und Dispositive analysieren. Die Wissenssoziologische Diskursanalyse als Beitrag zu einer wissensanalytischen Profilierung der Diskursforschung//Historical Social Research. 2007. № 33 (1). P. 73–107.
- Keller R. The Sociology of Knowledge Approach to Discourse (SKAD)//Human Studies. 2011. № 34. P. 43–65.
- Keller R. Entering Discourses: A New Agenda for Qualitative Research and Sociology of Knowledge//Qualitative Sociology Review. 2012. № 8 (2). P. 47–75.
- Maingueneau D. Analyse les texts de communication. Paris: Armand Colin, 2010.
- Mayring P. Qualitative Content Analysis/Forum Qualitative Sozialforschung//Forum: Qualitative Social Research. 2000. Vol. 1. № 2. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1089/2385> (accessed 25.01.2014).

Misnikov Y. How to Read and Treat Online Public Discussions among Ordinary Citizens Beyond Political Mobilisation. Empirical Evidence from the Russian-Language Online Forum//Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2012. № 7. P. 1–37. URL: http://www.digitalicons.org/issue07/files/2012/06/7.1_Misnikov.pdf (accessed 10.12.2012).

Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York: Public Affairs, 2011.

Murthy D. Towards a Sociological Understanding of Social Media: Theorizing Twitter//Sociology. 2012. № 46 (6). P. 1059–1073.

Nikiporets-Takigawa G. Twitting the Russian Protests//Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2013. № 9. P. 1–25. URL: http://www.digitalicons.org/issue09/files/2013/06/DI_9_1_Nikiporets.pdf (accessed 19.07.2013).

Rodgers J. Spatializing International Politics. Analysing Activism on the Internet. London: Routledge, 2003.

Ross C. The Leaderless Revolution: How Ordinary People Can Take Power and Change Politics in the 21st Century. London: Simon & Schuster, 2011.

Semenov A. Social Network Analysis of Russian Protest in Tweeter [Conference paper]. Applications of Social Network Analysis. 2012. September 4–7. Zurich. URL: <http://www.slideshare.net/AlexanderSemeonov/social-network-analysis-of-hashtag-usage-during-protest-meetings> (accessed 25.07.2013).

Sunstein C. Republic.com 2.0. New Jersey: Princeton University Press, 2007.

Thelwall M. MySpace comments//Online Information Review. 2009. № 33 (1). P. 58–76.

Woolley J., Limperos A., Oliver M. The 2008 Presidential Election, 2.0: A Content Analysis of User-Generated Political Facebook Groups//New Media, Campaigning and the 2008 Facebook Election/ed. by Thomas J. Johnson, David D. Perlmutter. Oxon, New York: Routledge, 2011. P. 79–100.